

УДК 811.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-56-4-73-86

ЧЕМ ОПАСНЫ ИЗБЫТОЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ?

О. В. Петрова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена проблемам, возникающим в связи с появлением в русском языке большого количества иноязычных заимствованных слов, вытесняющих уже имеющиеся способы называния тех же предметов, явлений и понятий. Постоянный рост числа таких заимствований делает рассмотрение этих проблем актуальным. В статье рассматривается влияние чрезмерных заимствований на устойчивость существования, целостность и саморазвитие русского языка как важнейшего компонента геополитического и национально-культурного кода страны. Поскольку язык является важнейшим носителем национально-культурного кода народа, избыточное, не обусловленное реальными потребностями общества заимствование иноязычных слов ставит под угрозу лингвистическую безопасность страны. Замена исконно русских или давно укоренившихся в русском языке слов новыми, преимущественно английскими, заимствованиями отрицательно сказывается на сохранении исторической памяти, меняет языковую картину мира, привнося в нее чуждую систему оценок и ценностей. Кроме того, обилие заимствованных слов в текстах создает у читателей представление о том, что русский язык, в отличие от английского, не соответствует современному уровню развития общества и в особенности науки. Помимо традиционно обсуждаемых причин избыточного заимствования можно выделить еще одну. Во многих случаях такие заимствования являются результатом того, что, наряду с профессиональными переводчиками, выбирающими транскрипцию или транслитерацию как наиболее простой и быстрый вариант перевода, англоязычные тексты в оригинале читает все большее количество людей. Не будучи ни лингвистами, ни переводчиками, они заимствуют слова, внутренняя форма которых им понятна, и начинают использовать их в русском языке, наивно полагая, что получившиеся звукокомплексы сохраняют свою прозрачность и для носителей русского языка. Для регулирования этого процесса необходима целенаправленная языковая политика. Для текстов, публикуемых в любом формате, необходимо ввести обязательное редактирование, а у переводчиков и редакторов должна быть установка на приоритетное использование слов, уже укоренившихся в русском языке или образованных от них.

Ключевые слова: заимствования; лингвистическая безопасность; историческая память; непрофессионализм переводчика; языковая политика; редактирование.

What Are the Dangers of Excessive Borrowing?

Olga V. Petrova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article discusses problems caused by the appearance of a large number of foreign loanwords in Russian, displacing already existing means of naming the same objects, phenomena and concepts. The current increase in the number of such borrowings makes the discussion of the problems relevant and urgent. The impact of excessive borrowings on the sustainability of existence, integrity and self-development of the Russian language as the most important component of the geopolitical and national-cultural code of the country is discussed. Since language is the most important component of the cultural code of a nation, the excessive borrowing of foreign words, not conditioned by the real needs of the society, jeopardizes the linguistic security of the country. The replacement of native Russian words or words long established in the language by new, mainly English, borrowings negatively affects the continuity of historical memory, changes the national linguistic world-image introducing an alien system of evaluation and values into it. Moreover, the abundance of borrowed words in texts gives readers the impression that the Russian language, unlike English, does not correspond to the modern level of development of society and, in particular, of science. In addition to the traditionally discussed reasons for excessive borrowing, one more can be suggested. In many cases such borrowings are the result of the fact that, along with professional translators who choose transcription or transliteration as the easiest and fastest translation option, more and more people are reading English texts in the original. Being neither linguists nor translators, they borrow words whose inner form is clear to them, and begin to use them in Russian, naively believing that the resulting sound complexes retain their transparency for native Russian speakers. To regulate this process, a purposeful language policy is required. It should include mandatory editing for all texts published in any format, and translators and editors should be instructed to prioritize the use of words that are already well established in Russian or their derivatives.

Key words: loanwords; linguistic security; historical memory; translator's unprofessionalism; language policy; editing.

1. Введение

Настоящая статья является продолжением разговора, начатого на состоявшемся в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова пятом Международном научно-образовательном форуме «Языковая политика и лингвистическая безопасность», по материалам которого автором была написана небольшая научно-популярная (скорее, даже публицистическая) статья в журнал «Мосты» (Петрова 2021). Однако серьезность обсуждаемой проблемы и возникшая вокруг нее дискуссия побудили автора расширить статью, переработав ее и дополнив соображениями уже не публицистического, а научного характера.

Проблемы лингвистической безопасности активно обсуждаются представителями разных дисциплин уже на протяжении двух десятилетий, однако при этом четкого определения понятия «лингвистическая безопас-

ность» до сих пор не существует. Возможно, это объясняется широким значением самого слова «безопасность». По своему содержанию оно равнозначно слову «защищенность». Все зависит от того, о защищенности от каких именно угроз мы говорим. Кто-то понимает лингвистическую безопасность как обеспечение полноценного функционирования языка (в нашем случае русского) в качестве одного из ведущих языков мира, кто-то — как сохранение его устойчивого развития и статуса общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками народов, населяющих нашу страну (Халеева 2006; Хатмуллина 2018; Грицко 2021). Существует понимание лингвистической безопасности и как противодействия попыткам деструктивного влияния извне на стабильность культурно-цивилизационного кода на основе русского языка (Бартош 2014). Некоторые исследователи рассматривают это понятие более узко, например, как определенные характеристики текста, а именно такое его состояние, «при котором его потенциальная конфликтность стремится к нулю и риск причинения вреда его автору, персонажу или реципиенту является минимальным» (Трофимова 2012: 28), или как ответственность переводчиков за поддержание устойчивости геополитического кода страны при переводе идеологически окрашенных текстов (Маргания 2019). Обобщая все эти подходы и понимания, можно вслед за Н. И. Пушиной и О. М. Пушиным сказать, что лингвистическая безопасность — это «устойчивое состояние языка, при котором максимально полно обеспечивается его безопасное существование, целостность, саморазвитие, самосовершенствование», это «создание условий для устойчивого развития общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками народов России, языковой экспансии, экологии языка, сохранения культурного кода нации» (Пушин, Пушина 2018: 292).

Собственно говоря, упомянутая в этом определении «экология языка» фактически покрывает все перечисленные толкования. Введенное Э. Хаугеном полвека назад понятие экологии языка определяется им как наука о взаимоотношениях между языком и его окружением, где под окружением языка он понимает общество, использующее язык как один из своих кодов (Haugen 1972). Сегодня в изучении экологии языка выделяют три аспекта: интерлингвальный (изучение существования языка среди других языков), интралингвальный (изучение культуры речи, стилистики и т. д.) и транслингвальный, рассматривающий использование языковых средств и реалий одной культуры в контексте другой культуры и другого языка. При этом существует ряд проблем, непосредственно связанных сразу с двумя аспектами — интралингвальным и транслингвальным, поскольку сегодня, в условиях глобализации, активных межкультурных контактов

и выработки на базе английского языка своего рода *lingua franca* как средства общения в Интернете, во многих национальных языках в результате внешнего воздействия меняется характер дискурса, узус и даже норма. При этом теряет свою индивидуальность сам национальный язык, в котором закреплён культурный код народа. Выигрыш в легкости сиюминутного общения с носителями других языков оборачивается серьезными потерями в плане национально-культурной идентичности.

2. Постановка проблемы

Особое место при обсуждении всех этих проблем занимает вопрос о поддержании чистоты русского языка как одной из важнейших составляющих геополитического и национально-культурного кода страны, о борьбе с избыточными, ненужными заимствованиями, которые не просто засоряют язык (от этого он рано или поздно избавляется, обладая, как океан, способностью к самоочищению), но и часто исподволь внедряют в сознание говорящих оценки и ценности, противоречащие нашему национально-культурному коду или, во всяком случае, расшатывающие его.

Необходимо сразу оговориться: речь идет не о заимствованиях как таковых. Само по себе появление в языке заимствований — явление естественное, нормальное для любого языка. Заимствования совершенно необходимы, когда нужно назвать что-то существующее или появившееся в другой культуре, не имеющее аналога в культуре заимствующего языка. В разное время интенсивность заимствования бывает разной. Это связано со множеством экстралингвистических и собственно лингвистических факторов. Изучение разных аспектов этого процесса дает представление о связи языка и общества, языка и мышления, об особенностях взаимодействия языков и многом другом. Лингвисты изучают виды и типы заимствований (Измайлов 2015; Маммед 2018), пути их проникновения в язык (Durkin 2018), то, как они в языке ассимилируются (Витковская, Дубовский, Клиентьева 2013; Durkin 2014), какое влияние они оказывают на лексику заимствующего языка (Qreshat 2019), рассматривают их в когнитивном (Маммед 2019) и социальном планах (Zenner, Rosseel, Calude 2019).

В данном же случае речь идет исключительно об избыточных заимствованиях, о том, когда заимствуются слова, полностью синонимичные уже имеющимся в языке, т. е. о процессе, который в лингвистическом плане представляется немотивированным, не имеющим объективных причин.

Вопрос о причинах и целесообразности большого количества заимствований периодически поднимается и в публицистической (Березовская 2015), и в научно-популярной (Кронгауз 2013), и в научной лингвистиче-

ской литературе (Григорьева 2009; Маринова 2019), причем не только в отношении русского языка (см., например, [Гулинов 2014]). Одних лингвистов и культурологов обилие заимствований в современном русском языке (а точнее — в речи) приводит в ужас, другие воспринимают этот процесс спокойно, полагая, что рано или поздно язык отберет только то, что ему действительно нужно, а остальное отпадет, как шелуха, и забудется. А кто-то полагает, что появление в нашем языке большого количества заимствований — это результат научно-технического прогресса и признак нашего вхождения в мировое сообщество. И при этом все так или иначе пытаются объяснить причины, по которым мы заимствуем так много иноязычных (главным образом английских) слов.

Первое объяснение заключается в том, что в результате долгих лет экономической, политической и культурной изоляции от западного мира мы столкнулись с отсутствием в нашем языке слов для называния современных понятий, поскольку аналогов этих понятий у нас просто не было. В какой-то степени это действительно так. Но это объяснение распространяют на все предметы и понятия, русских названий которых заимствующих их человек просто не знает. Так, говорят, что слова *банкинг*, *бизнес*, *транзакция* и им подобные необходимо было заимствовать, потому что до 90-х годов прошлого столетия у нас не было таких понятий, а следовательно, не было и названий. При этом возникает вопрос: как же до революции 1917 года вели свои дела российские купцы и банкиры? Люди старшего поколения помнят, что и в советское время были сберкассы, в которых либо снимали деньги, либо клали (вносили) их на счет. Только транзакцией это не называли.

В своей статье о роли языка в сохранении исторической памяти Е. П. Савруцкая и С. В. Устинкин пишут: «Как знаковая система, сформировавшаяся в ходе историко-культурного развития народов, язык является своего рода формой выражения обобщенного опыта поколений» (Савруцкая, Устинкин 2020: 105). Заменяя свои слова чужими, мы вычеркиваем из языковой памяти свой опыт, существовавшие и по-прежнему существующие у нас понятия, разрываем преемственность поколений. Получается замкнутый круг: забвение собственной истории приводит к заимствованию чужих слов, а эти заимствованные слова окончательно стирают из языка (а значит, и из памяти) следы этой истории. Таким образом происходит разрушение культурного кода, а это, как отмечают Н. В. Барышев и В. В. Сдобников, создает препятствия для формирования национально-культурной идентичности и приводит к размыванию геополитического кода страны (Барышев, Сдобников 2020: 29).

Второе объяснение появления в русском языке большого количества заимствованных слов состоит в том, что в условиях убыстряющегося темпа жизни, возрастающего объема информации, которую необходимо передать в единицу времени, серьезным преимуществом английских слов перед русскими является их краткость. В каких-то случаях это действительно так. Но разве *фэшн* короче *моды*, а *клининг* короче *чистки*? Почему короткое слово *цель* сегодня все чаще заменяют более длинным *таргет*? Видимо, дело не только в краткости или в незнании того, что в русском языке есть соответствующее слово.

Третье объяснение — более высокий социальный престиж заимствованных слов. Во-первых, быть *менеджером по клинингу* более престижно, чем *уборщицей*, а во-вторых, престижно демонстрировать свою причастность к прогрессивному западному миру. Но время, когда об этой причастности свидетельствовали *шুзы* вместо *туфель* и *бренд* вместо *марки*, уже, казалось бы, прошло. Сегодня ни поездки за границу, ни знание иностранных языков уже не редкость, они больше не служат признаком какого-то особого статуса человека. Да и трудно представить себе, чтобы чиновники или ученые, пользующиеся большим количеством заимствований (в том числе и вместо давно устоявшихся в языке способов названия того, о чем они пишут), делали это из соображений престижа или следования моде.

3. Материал наблюдения

До недавнего времени у нас практически не бывало международных конференций. На наших внутренних конференциях количество приглашенных иностранных участников (если таковые были) исчислялось единицами. Сами мы на зарубежные конференции практически не ездили. При этом у нас существовала устоявшаяся терминология: были конференции, в их рамках работали секции, на которых выступали докладчики, участники конференций обсуждали и решали проблемы. Потом ситуация изменилась. Мы начали ездить на зарубежные конференции, приглашать к себе иностранных ученых. А с появлением онлайн-формата видеоконференции вообще стали объединять участников из десятков стран. И поскольку организаторам конференции стало необходимо в процессе подготовки общаться с коллегами на каких-то объявленных рабочих языках (чаще всего на английском), им пришлось осваивать соответствующую иноязычную терминологию, под влиянием которой изменилась и соответствующая русская лексика. *Конференции* превратились в *форумы*, *секции* — в *треки*, *руководители секций* — в *модераторов*, а *докладчики* — в *спикеров*. Если раньше на заседаниях обсуждали *проблемы и пути их решения*, то теперь

там *отвечают на вызовы*. В прежние времена в программе конференции бывали *открытые уроки, мастерские, мастер-классы*. Теперь им на смену пришли *воркшопы, коворкинги* и даже *форсайт-коворкинги*. Раньше обсуждалось, как переводчик *воспроизводит* (или *воссоздает*) стиль автора, теперь — как он его *репрезентирует*. И если раньше на заседании секции могли обсуждать *фальшивки в СМИ*, то теперь говорят о текстах *фейков* и даже *фейк-ньюс в медиа*. Научная же терминология сплошь и рядом транскрибируется или транслитерируется независимо от того, существуют ли в российском научном обиходе соответствующие давно укоренившиеся термины или нет. И в названиях докладов появляются *лонгрид, лонгформ, ортоглоссия, эритажные языки* и т. д.

Этот список — всего лишь краткая иллюстрация того, во что превратился русский язык научного общения. Он составлен на материале программы одной конференции. Множество подобных примеров можно почерпнуть и во всевозможных документах, инструкциях, информационных письмах и т. д. Впрочем, и в повседневной жизни мы стали заниматься *шоппингом* (т. е. попросту ходить в магазин) с плетеными *шопперами*, в поликлинике брать талончик к врачу на *ресепшене*, узнавать, все ли номера в *отеле* уже *забучены*, и читать про то, что кого-то *сервировали* повесткой в суд. На каком языке мы говорим? И главное — почему мы так говорим?

4. Результаты наблюдений и их обсуждение

Есть основания полагать, что, наряду с перечисленными выше причинами, есть еще одна, в последнее время выходящая — по крайней мере, в количественном отношении — на первый план.

Основная часть заимствований сегодня приходит к нам из английского языка, причем не потому, что мы больше всего общаемся с американцами или британцами, а потому, что английский язык несомненно стал языком формального и неформального международного общения. На английском языке издается большинство солидных и престижных научных журналов, на английский язык автоматически переводятся сайты и страницы Интернета, материалы ведущих мировых СМИ. Именно с английского в большинстве случаев все это переводится на русский, и к тому же все большее количество людей читает это непосредственно по-английски, без всякого перевода.

Что происходит, когда текст читает и воспроизводит переводчик? Если это текст научный или научно-популярный, он часто содержит достаточно большое количество терминов или профессионализмов, которых переводчик может не знать, но смысл или функция которых ему понятны из контекста. И если это профессиональный переводчик, то он должен был бы

выяснить у специалистов, как они это называют по-русски, есть ли уже в русском языке устоявшиеся термины. Переводчики же говорят, что на это им часто не хватает времени. Сжатые сроки, требования работодателей, которые нередко прямо говорят, что им не нужен хороший перевод, им нужен перевод приемлемый, явно понимая при этом не предложенную Г. Тури (Toury 1980) категорию приемлемости, сопоставляемую им с адекватностью, а просто более или менее понятный перевод, не содержащий грамматических ошибок, но при этом не обработанный стилистически и совсем не обязательно соответствующий узусу, — все это подталкивает переводчика к самому простому решению: транскрибированию или транслитерированию. А поскольку он знает, что большое количество научных терминов именно так в нашем языке и появилось, он не тратит времени на выяснения и поиски, а сразу прибегает к заимствованию и таким образом вводит в русский язык совершенно ненужные и чуждые языку слова или употребляет имеющееся в языке близкое по звучанию слово в несвойственном ему значении. Именно это, например, произошло со словом *экспертиза*, которое теперь уже часто употребляют в значении *опыт*.

На самом деле за попытками переводчиков оправдать подобные решения работой в условиях непрекращающегося форс-мажора скрывается недостаточный профессионализм, а иногда и банальная лень. Говоря о формировании переводческих компетенций как основной задаче преподавателя перевода, А. В. Иванов и В. В. Сдобников выделяют экстралингвистическую субкомпетенцию, которая предполагает «наличие знаний о мире вообще, о двух культурах, энциклопедические знания и знание предметной области» (Иванов, Сдобников 2020: 121). Отсутствие этой субкомпетенции — признак непрофессионализма. Если переводчик берется за перевод текста в определенной предметной области, он обязан владеть соответствующим подязыком. И какие бы заниженные требования ни предъявлял заказчик, у каждого профессионального переводчика должна быть собственная планка качества, ниже которой он не может спускаться ни при каких обстоятельствах. Устный переводчик, готовясь к работе, составляет тематический глоссарий, выясняет, что и как называется на рабочих языках. Ненужными же заимствованиями, как ни странно, чаще грешат письменные переводчики, у которых, казалось бы, больше возможностей для того, чтобы разобраться хотя бы в терминологии, соотнести терминосистемы предметной области в двух языках.

Если же текст читает специалист в предметной области, а уровень владения английским языком хотя и не очень высок, но позволяет ему воспринять внутреннюю форму слова, ему часто кажется, что английское слово более выразительно, образно, что оно точнее передает содержание

понятия. Когда такой человек встречается с новым словом в чужом языке, внутренняя форма этого слова для него оживает. И ему кажется, что если использовать это слово в русском языке, то все поймут, насколько оно выразительно. Если знающему английский язык понятно, что *longread* – это результат соединения знакомых ему *long* («длинный») и *read* («читать»), то ему кажется, что это должно быть понятно и тем, кто английского не знает и кому он «дарит» слово *лонгрид*. Когда специалист встречается в английском тексте новый термин, название нового понятия, он не колеблясь его заимствует. Не будучи профессиональным переводчиком, он не задумывается о том, как это можно назвать по-русски. Почему мы вдруг все стали *спикерами*? Не потому ли, что кто-то, читая по-английски, вдруг понял, что *speaker* — это *speak+er*, т. е. тот, кто говорит? Ну, не писать же *говорилицы* или *говорители*! Вот и появляются на конференциях не *выступающие*, не *докладчики*, а спикеры.

С точки зрения психологии поведение читающего иноязычный текст понятно. Если он не профессиональный переводчик, то он просто радуется понятному слову и пересаживает его на другую языковую почву. Если же он переводчик, то чаще всего это означает, что у него просто нет времени, чтобы подумать, и поэтому он откровенно халтурит, обычно сам это понимая, либо он попросту ленив и нелюбопытен. А в результате страдает язык, в котором появляются все эти *воркшопы* и *форсайт-коворкинги*.

А язык страдает все больше и больше. И здесь возникает еще один замкнутый, поистине порочный круг. При сегодняшней интенсивности распространения информации употребительность появившегося в научном или публицистическом обиходе слова возрастает экспоненциально. В нашу речь входят слова, прочитанные в научно-популярных статьях, в информационных сообщениях, во всевозможных обзорах, записях бесед и интервью. И очень часто эти тексты бывают переводными, причем сегодня уже нередко и переведенными машиной.

Обсуждая перспективы развития машинного перевода, О. И. Кузьмин сравнивает разные системы и делает, по его мнению, очевидный вывод: «<...> Google Translate на данный момент времени переводит лучше остальных сервисов онлайн-перевода из-за наличия большой статистической базы текстов на разных языках. Российский сервис Яндекс.Перевод обучается на статистике Рунета и опирается на русскоязычные тексты, следовательно, качество перевода с / на русский язык у системы Яндекс.Перевод будет выше» (Кузьмин 2021: 44). И далее: «логика современных машинных систем перевода достаточно простая: больше БД (база данных — О. П.) — лучше качество перевода» (Кузьмин 2021: 45).

Оставляя в стороне оценочный аспект этого утверждения, нельзя не согласиться с автором в том, что машинный перевод сегодня прямо или косвенно опирается на статистику словоупотреблений, т. е. фактически на узус, который находит свое отражение в лингвистических корпусах. И получается, что, с одной стороны, компьютерный переводчик ориентируется на то, как мы говорим, а с другой — мы говорим так, как нам подсказывают все читаемые нами тексты. И постепенно слова, для заимствования которых не было никаких объективных оснований, не только становятся узусальными, но и входят в язык, так как начинают фиксироваться словарями, которые сегодня тоже зачастую создаются без следования строгим лексикографическим правилам и бывают основаны на личных представлениях и предпочтениях составителя, руководствующегося при этом принципом «так говорят». И употребление неоправданных заимствований таким образом узаконивается.

5. Заключение

Так или иначе, необходимо понимать, что бесконтрольный процесс избыточного, неоправданного заимствования иноязычных слов не просто приводит к засорению русского языка, но и является угрозой для безопасного существования, целостности и саморазвития языка как важнейшей составляющей геополитического и национально-культурного кода страны. У читающих тексты, изобилующие заимствованиями, создается впечатление, что русский язык не способен выразить называемые ими понятия, и, следовательно, формируется представление о превосходстве английского языка, якобы в большей степени соответствующего современному уровню развития общества и научной мысли. Не случайно, говоря об основных направлениях развития языковой политики гуманитарного вуза, И. А. Краева в качестве одного из важнейших называет распространение русского языка как языка науки (Краева 2020).

Для противодействия этому процессу требуется продуманная языковая политика. Необходимо ввести **обязательное редактирование** любых печатных текстов и текстов в электронных средствах массовой информации. При этом и у переводчиков, и у редакторов любых текстов, как переводных, так и изначально написанных на русском языке, должна быть четкая установка на приоритет использования уже имеющихся в русском языке слов перед неологизмами-заимствованиями. Даже если речь идет о новом понятии, для которого в русском языке еще нет названия, и переводчик, и редактор должны прежде всего рассмотреть возможности создания неологизма на основе уже укоренившихся в русском языке слов и морфем.

Соответствующая языковая политика, направленная на защиту русского языка и, соответственно, сохранение национально-культурного кода страны, может быть реализована в рамках отдельных организаций, в том числе образовательных, на основе общих договоренностей внутри соответствующих коллективов и, возможно, локальных нормативных актов.

Список литературы / References

- Бартош А. А.* Модель «управляемого хаоса» в культурно-мировоззренческой сфере // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 23 (709). С. 9–26. [Bartosh, Aleksandr A. (2014) Model' «upravlyаемого haosa» v kul'turno-mirovozzrencheskoy sfere (The Model of “Controlled Chaos” in the Cultural and Attitudinal Sphere). *MSLU Bulletin*, 23 (709), 9–26). (In Russian)].
- Барышев Н. В., Сдобников В. В.* Культурный код в аспекте переводческой деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 18–31 [Baryshev, Nikolay. V., Sdobnikov, Vadim V. (2020) Kul'turniy kod v aspekte perevodcheskoy deyatel'nosti (Cultural Code in the Aspect of Translation Activity). *LUNN Bulletin*. Special issue, 18–31. (In Russian)].
- Березовская А.* Максим Кронгауз: Русский язык в защите не нуждается [Электронный ресурс] // Русский мир, 30.10.2015. URL: https://russkiymir.ru/publications/197798/?sphrase_id=243765 (дата обращения 16.12.21). [Berezovskaya, Alla (2015) (2021, December 16) Maksim Krongauz: Russkiy yazyk v zashchite ne nuzhdaetsya (Maksim Krongauz: The Russian Language Needs No Protection). *Russkiy mir* (Russian World). Retrieved from https://russkiymir.ru/publications/197798/?sphrase_id=243765. (In Russian)].
- Витковская Л. В., Дубовский Ю. А., Климентьева А. Д.* Проблемы ассимиляции заимствований в современных лингвистических теориях // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2013. 1 (12). С. 28–37. [Vitkovskaya, Leokadiya V., Dubovsky, Yuri A., Klimentyeva, Amina D. (2013) Problemy assimilyatsii zaimstvovaniy v sovremennykh lingvisticheskikh teoriyah (Problems of Borrowing Assimilation in Modern Linguistic Theories). *Russkiy yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* (Russian Language and Intercultural Communication), 1 (12), 28–37. (In Russian)].
- Григорьева Т. М.* «Чужесловие» в русском языке и русской ментальности // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 2. Приложение. С. 38–48. [Grigoryeva, Tatyana M. (2009) «Chuzhesloviye» v russkom yazyke i russkoy mental'nosti (“Stranger Words” in the Russian Language and Russian Mentality). *Journal of the Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences: Supplement*, Vol. 2, 38–48. (In Russian)].
- Грицко М. И.* Лингвистическая безопасность — один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. 2011. № 3 (9). Т. 1. С. 63–72. [Gritsko, Mariya I. (2011) Lingvisticheskaya bezopasnost' — odin is faktorov bezopasnosti mnogonatsional'noy Rossii (Linguistic Security — One of the Factors of Security of Multinational Russia). *Ideas and Ideals*, 3 (9), Vol. 1, 63–72. (In Russian)].
- Гулинов Д. Ю.* Избыточные заимствования в контексте языковой политики Франции // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–10. С. 2331–2335. [Gulinov, Dmitry

- Yu. (2014) Izbytochnye zaimstvovaniya v kontekste yazykovoy politiki Frantsii (Excessive Borrowing in the Context of French Language Policy). *Fundamental Research*, 9–10, 2331–2335. (In Russian)].
- Иванов А. В., Сдобников В. В. Формирование переводческих компетенций как основная задача преподавателя перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 3 (51). С. 117–131. [Ivanov, Andrey V., Sdobnikov, Vadim V. (2020) Formirovaniye perevodcheskih kompetentsiy kak osnovnaya zadacha prepodavatelya perevoda (Formation of Translation Competencies as the Main Task of a Teacher of Translation). *LUNN Bulletin*, 3 (51), 117–131. (In Russian)].
- Измайлов А. Ю. Типы заимствований на примере французских англицизмов // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве: Сборник материалов пятой международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 3 марта 2015 г.). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2015. С. 314–318. [Izmaylov, Aleksandr Yu. (2015) Tipy zaimstvovaniy na primere frantsuzskikh anglitsizmov (Types of Borrowings on the Example of French Anglicisms). *Inostrannye yazyki i literature v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sbornik materialov pyatoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g.Ekaterinburg, 3 marta 2015 g.)* (Foreign Languages and Literature in the International Educational Space: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Ekaterinburg, March 3, 2015). Ekaterinburg: Izd-vo UMTS UPI, 314–318. (In Russian)].
- Краева И. А. Языковая политика в гуманитарном вузе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 59–72. [Krayeva, Irina A. (2020) Yazykovaya politika v humanitar-nom vuze (Language Policy in Humanities Universities). *LUNN Bulletin*. Special issue, 59–72. (In Russian)].
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ, 2013. [Krongauz, Maksim. (2013) *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* (The Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown). Moscow: AST. (In Russian)].
- Кузьмин О. И. Перспективы современных систем машинного перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 41–52. [Kuzmin, Oleg I. (2021) Perspektivy sovremennyh system mashinnogo perevoda (Perspectives on Modern Machine Translation Systems). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 41–52 (In Russian)].
- Маммед И. А. Виды заимствований и ассимиляция заимствованных слов (на основе материалов современного английского и азербайджанского языков) // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 253–260. [Mammed, Ilhama A. (2018) Vidy zaimstvovaniy i assimilyatsiya zaimstvovannyh slov (na osnove materialov sovremennogo angliyskogo i azerbaidzhanskogo yazykov (Types of Borrowings and Assimilation of Borrowed Words (on the Materials of Modern English and Azerbaijani Languages). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2, 253–260. (In Russian)].
- Маммед И. А. Когнитивный подход к явлению заимствований // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции, 25 октября 2019 г. Краснодар: Изд. КубГТУ, 2019. С. 477–485. [Mammed, Ilhama A. (2019) Kognitivniy podhod k yavleniyu zaimstvovaniy (Cognitive Approach to Borrowing Phe-

- nomenon). *Filologicheskie i sotsiokul'nurye voprosy nauki i obrazovaniya: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy ochno-zaochnoy konferentsii, 25 oktyabrya 2019 g.* (IV International Scientific and Practical Conference "Philological, Sociological and Cultural Issues of Science and Education". Collection of Materials. October 25, 2019). Krasnodar: Izd-vo KubGTU, 477–485. (In Russian)].
- Маргания Р. Д. Проблемы перевода идеологически окрашенных текстов // Будущее науки 2019: Сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции 25–26 апреля 2019 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 250–254. [Marganiya, Rezo D. (2019) Problemy perevoda ideologicheski okrashennykh tekstov (Problems of Translating Ideologically Colored Texts). *Budushchee nauki 2019. Sbornik nauchnykh statey 7-y Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii 25–26 aprelya 2019 goda* (The Future of Science 2019. Collection of Research Papers of the 7th International Youth Scientific Conference April 25–26, 2019). Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 250–254. (In Russian)].
- Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования. М.: Едиториал УРСС, 2019. [Marinova, Elena V. (2019) *Inoyazychniye slova v russkoy rechi kontsa XX– nachala XXI vv: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* (Foreign Words in Russian Speech in the Late 20th–Early 21st Centuries: Problems of Absorption and Functioning). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].
- Петрова О. В. О переводческой лени и побочном эффекте массового знания иностранных языков // Мосты. Журнал переводчиков. 2021. № 4 (72). С. 40–44. [Petrova, Olga V. (2021) O perevodcheskoy leny i pobochnom effekte massovogo znaniya inostannykh yazykov (On Translators' Laziness and the Side Effect of Mass Knowledge of Foreign Languages). *Bridges. Translators and Interpreters' Journal*, 4 (72), 40–44. (In Russian)].
- Пушин О. М., Пушина Н. И. Конвергентный подход к рассмотрению вопросов лингвистической безопасности // Конвергенция в сфере научной деятельности: проблемы, возможности, перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2018. С. 292–297. [Pushin, Oleg M., Pushina Natalya I. (2018) Konvergentniy podhod k rassmotreniyu voprosov lingvisticheskoy bezopasnosti (Convergent Approach to Considering Issues of Linguistic Security). *Konvergenziya v sfere nauchnoy deyatel'nosti: problemy, vozmozhnosti, perspektivy: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (Convergence in the Sphere of Scientific Activity: Problems, Opportunities, Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference). Izhevsk: Izdatel'skiy tsentr «Udmurtskiy universitet», 292–297. (In Russian)].
- Савруцкая Е. П., Устинкин С. В. Язык в сохранении исторической памяти // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 103–110. [Savrutskaya, Elizaveta P., Ustinkin, Sergey V. (2020) Yazyk v sohranении istoricheskoy pamyati (Language in the Preservation of Historical Memory). *LUNN Bulletin. Special issue*, 103–110. (In Russian)].
- Трофимова Г. Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 1. С. 24–29. [Trofimova, Galina N. (2012) Lingvisticheskaya bezopasnost': k

- probleme tolkovaniya (Linguistic Safety: Interpretation Aspect). *Russian Language Studies. Series: Russian and foreign languages and the method of their teaching*, 1, 24–29. (In Russian)].
- Халеева И. И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской Академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 104–111. [Haleeva, Irina I. (2006) Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii (Linguistic Security of Russia). *Vestnik Rossiiskoy Akademii nauk*, V. 76, 2, 104–111. (In Russian)].
- Хатмуллина Ю. А., Чекмарёв А. А. Обеспечение лингвистической безопасности русского языка как языка межнационального общения // Национальные приоритеты России. 2018. № 2 (29). С. 56–58. [Hatmullina, Yulia A., Chekmarev, Aleksey A. (2018) Obespecheniye lingvisticheskoy bezopasnosti russkogo yazyka kak yazyka mezhnatsionalnogo obscheniya (Provision of the Linguistic Security of Russian as a Lingua Franca). *Natsional'nye priority Rossii* (National Priorities of Russia), 2 (29), 56–58. (In Russian)].
- Durkin, Philip. (2014). *Borrowed Words: A History of Loanwords in English*. Oxford-New York: Oxford University Press.
- Durkin, Philip. (2018) *Exploring the Penetration of Loanwords in the Core Vocabulary of Middle English: Carry as a Test Case* / Published online by Cambridge University Press. Retrieved from <https://www.cambridge.org/core/journals/english-language-and-linguistics/article/exploring-the-penetration-of-loanwords-in-the-core-vocabulary-of-middle-english-carry-as-a-test-case/E53A442338731F7F6245BA9A7882E086>.
- Haugen, Einar. (1972) *The Ecology of Language*. Essays by Einar Haugen. Stanford: Stanford University Press.
- Qreshat, Jumah Y. (2019) The History of Loan Words in English and Its Impact on the English Lexicon. *Journal of Critical Reviews*, 6 (6), 185–193. DOI 10.22159/jcr.06.06.25.
- Toury, Gideon. (1980) *In Search of a Theory of Translation*. Jerusalem: Tel Aviv University.
- Zenner, Eline, Rosseel, Laura, Calude, Andrea S. (2019) (2021, December 16) The Social Meaning Potential of Loanwords: Empirical Explorations of Lexical Borrowing as Expression of (Social) Identity. *Ampersand*, 6, 100055. <https://doi.org/10.1016/j.amper.2019.100055>.